

Гаврилов В. Н., Прохоров Н. А., Шахназов А. А.

АНАЛИЗ СМАРТ-КОНТРАКТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация. В статье проведено исследование юридической сущности смарт-контрактов как одной из составляющих цифровых финансовых активов. Выявлены правовые предпосылки появления смарт-контрактов, а также их преимущества и недостатки. Особое внимание уделено сравнению положения смарт-контрактов в законодательстве России и Белоруссии и иных государств. Авторами сделан вывод о некоторых разногласиях в толковании смарт-контрактов законодателями Российской Федерации и Республики Беларусь, а также об их передовой роли для развития цифровых прав.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые права, цифровые финансовые активы, договор.

Введение. Эпоха высоких информационных технологий и глобализации экономических процессов постоянно порождает новые виды общественных отношений, которые, соответствуя потребностям современных рыночных систем, становятся все более востребованными и актуальными. Такие понятия, как криптовалюта, блокчейн, токен, майнинг и многие другие интересуют не только простых обывателей, но и законодателей большинства развитых и развивающихся государств мира. Вопросы об использовании и признании таких цифровых финансовых активов на суверенной территории волнуют юристов различных отраслей права в последние годы. И тут мнения о юридическом статусе технологически развитых отношений все-раз расходятся, ориентируясь на государственные интересы. На примере регулирования такого вида цифрового финансового актива как криптовалюта в зарубежных странах можно прийти к такому умозаключению, что законодателем может быть вовсе или частично запрещён оборот цифровых финансовых прав и активов (Вьетнам, Эквадор, Китай), либо же такие активы отнесены к объектам гражданских прав различной природы (США, Япония, Беларусь) [1]. В данной работе нас будут интересовать страны со вторым правовым режимом, где уже приняты или есть точная перспектива принятия нормативно-правовых актов о цифровых финансовых активах.

Стоит подчеркнуть правовые предпосылки для появления цифровых финансовых прав и активов, одной из которых стала подписанная в 1980 году Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров [2] и опубликованный Международной торговой палатой в 1990 году «Инкотермс» – Международные правила толкования торговых терминов [3]. В ст. 13 первого международного договора сказано о возможности закрепле-

ния за телеграфными сообщениями и сообщениями по телетайпу статуса простой письменной формы сделки, что позднее было дополнено отдельными статьями второго источника, в которых подчеркивалась значимость договорных отношений и обмена документами, осуществляемых с использованием средств компьютерной связи, а также взаимного признания сторонами договора электронной формы сделки.

Основная часть. Одним из результатов повседневного развития цифровых рыночных технологий и поддержки такого прогресса международными соглашениями на правовом уровне стали, так называемые, смарт-контракты, юридическая природа которых и признание на законодательном уровне являются предметом обсуждения правоведов различных стран с момента первого упоминания о них американским криптографом Ником Сабо в 1996 году. Он дал определение смарт-контракту как компьютерному протоколу, который на основе использования математических алгоритмов самостоятельно проводит сделки и осуществляет контроль за их исполнением [4]. Также хотелось бы выделить два основных вида таких смарт-контрактов: первый – это полностью автоматизированная сделка, вся информация о которой и программный код находится только на электронных носителях; и второй вид – это частично автоматизированный контракт, лишь фрагмент которого отражается с помощью цифровых технологий, а все остальное закрепляется в традиционном тексте на бумажных носителях. В современных законодательствах суверенных государств смарт-контракты понимаются по-разному и толкование их сущности может существенно различаться по сравнению с оригинальным понятием, что мы и хотели бы проанализировать в данной статье.

Как новый объект законодательного регулирования, смарт-контракт конечно же имеет опреде-

---

лённые плюсы и минусы, которые соответственно дают ему преимущество или же принижают его положение в сравнении с традиционными гражданско-правовыми договорами. Основные из них мы постараемся сейчас перечислить.

Первый плюс смарт-контрактов – это прозрачный процесс деятельности (например, в среде блокчейн), а именно возможность субъектов самостоятельно контролировать все этапы исполнения контракта и удостовериться, что другой участник договорных отношений выполнил свои обязательства. Более того, математический алгоритм контракта отбрасывает субъективные факторы и условия, учитывая лишь то, что было заранее прописано и непосредственно влияет на процесс исполнения сделки, а это также упрощает наблюдение за смарт-контрактом.

Второе – это ускорение самого процесса совершения и исполнения сделок и сокращение затрат на заключение смарт-контракта благодаря исключению из договорных отношений лишних посредников (даже вплоть до таких основополагающих субъектов, как банковских организаций) и упрощению текстов договоров для их четкого исполнения в рамках компьютерного алгоритма на определенной платформе.

В-третьих, существует реальная возможность сформировать, так называемый, «аудиторский след» (последовательность действий) участников договорных правоотношений, а также полную информацию о них посредством верификации и механизма принуждения к исполнению условий по смарт-контракту. Это существенно упростит возможность контроля как для лиц, участвующих в сделке, так и для основного субъекта государственного финансового контроля – налоговых органов [5].

И четвертое преимущество заключается в том, что условия и данные смарт-контракта защищены от третьих лиц. Это стало возможным благодаря изолированности смарт-контракта от внешнего воздействия, в том числе – вмешательства в формирование, заключение или исполнения договорных отношений.

Недостатки же смарт-контрактов выражаются, во-первых, в невозможности вложить в математический алгоритм программы сложного текста договора, который может включать в себя дополнительные условия, существенные для сторон, различные допущения и другое.

Во-вторых, это сложность, связанная со внедрением технологии смарт-контрактов в привычную (и достаточно костную) финансовую среду. Также необходимо подчеркнуть связанное с этим большое количество затрат, необходимых для закупки обо-

дования и обучения персонала, найма специалистов для достаточного понимания программного кода смарт-контракта и составления надежного договора, соответствующего потребностям определенной сферы финансовой деятельности.

В-третьих – это уязвимость смарт-контракта, как и любой современной цифровой технологии, которая выражается в том, что устройство или носитель информации с данными о смарт-контракте может быть взломан или утерян в результате действий злоумышленников или же по неосторожности (в том числе и необученности персонала). Но и в такой ситуации есть возможность избежать больших потерь, если часть смарт-контракта выражена на бумажном носителе, или же существует копия договора, выраженная в тексте, а не посредством программного кода.

Далее мы бы хотели остановиться и подробнее проанализировать правовое состояние смарт-контрактов в России и Белоруссии и их значение для гражданского законодательства, ведь два данных государства близки по территории и менталитету, а также наиболее схожи по истории развития современного права: наши страны буквально несколько десятилетий назад сосуществовали в едином социалистическом блоке, и на данный момент скреплены договором Содружества Независимых Государств. Более того, наш выбор пал именно на республику Беларусь из-за того, что это первое в мире государство, которое признало смарт-контракт на законодательном уровне, что уже делает ее передовым государством в области цифровых финансовых прав и активов. До этого лишь в США – в таких штатах, как Аризона, Невада и некоторых других были приняты локальные нормативные акты, регулирующие отношения, связанные со смарт-контрактами, но без поддержки на федеральном уровне [6]. В данном случае российскому законодателю и правоприменителю стоит обратиться к наработанному за это время бесценному опыту белорусских коллег при работе с нашими законопроектами, уже обсуждаемыми Государственной Думой РФ, а также при решении некоторых вопросов будущего применения схожих нормативно-правовых актов на практике.

Начать основную часть нашей работы хотелось бы с анализа правовой регламентации и закрепленного понятия смарт-контрактов в белорусском законодательстве, начало развитию которого было положено 28.03.2018 – с момента вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» [7], являющимся не иначе как инновационным экспериментом по легализации сделок в цифровом мире. В п. 9 Приложения 1 к вышеупомянутому Декрету дается

конкретизированное понятие смарт-контракта как программного кода, рассчитанного на функционирование в едином установленном реестре блоков транзакций или в какой-либо иной распределенной информационной системе в целях совершения или исполнения (либо совершения и одновременно исполнения) сделок в автоматизированной форме. Также в данном Приложении указывается на то, что существует возможность совершения и иных юридически значимых действий посредством использования смарт-контрактов. Если выразить то же понятие более простыми словами, то процесс заключения смарт-контракта – это последовательность заранее определенных сторонами действий, которые начинают последовательно осуществляться при наступлении каких-либо обговоренных обстоятельств и (или) событий.

Необходимо подчеркнуть, что в отношении смарт-контрактов в Республике Беларусь установлено существенное ограничение, которое подчеркивает экспериментальный статус данного нововведения. А именно в пп. 5.3 п. 5 вышеупомянутого Декрета существует указание на исчерпывающий круг субъектов, которым разрешено использовать смарт-контракты как средство осуществления разрешенных операций со сделками – это резиденты Парка высоких технологий (особой экономической зоны со специальной юрисдикцией). В этой же норме прописана важная догма, которая при завершении экспериментальной части введения в законодательство смарт-контрактов несомненно, по нашему мнению, найдет свое выражение и в гражданском кодексе Белоруссии — это указание на то, что лицо, обратившееся при совершении сделки к смарт-контракту, считается надлежаще уведомленным о всех его условиях (в том числе и тех, что выражены программным кодом), если не будет доказано иное.

Также нельзя не упомянуть и подписанный 18.04.2019 Президентом Республики Беларусь Указ № 148 «О цифровых банковских технологиях» [8], где в пп.1.13 п.1 был расширен круг субъектов, которые при реализации различной финансовой деятельности допускаются к осуществлению операций посредством смарт-контракта между собой, гражданами и юридическими лицами – это Национальный Банк Республики Беларусь и участники межбанковской системы идентификации.

Принятие такого Указа является логическим развитием законодательства о цифровых финансовых технологиях, ведь вышеупомянутые финансовые организации, принимающие участие в валютном контроле, должны иметь техническую возможность при заключении сделки с использованием смарт-контракта понимать его содержание, прове-

рить его достоверность и целостность в соответствии с законом. А такая перспектива выражается в обеспечении субъектов необходимым программным обеспечением и специалистами в данной сфере, что позволит «прочитать» специальный программный код. Тут необходимо заострить внимание на том, что смарт-контракт – это соглашение, не идентичное простому договору в электронной форме, так как условия в нем не выражаются словами, как на бумажном носителе, а излагаются с помощью специального программного кода, что и подчеркивается в Приложении. Простой служащий финансовой организации не сможет понять и перевести «язык» смарт-контракта, именно поэтому и нужно специальное обеспечение как на законодательном, так и технических уровнях.

Несмотря на то, что Беларусь на данный момент на шаг впереди по уровню развития законодательства о цифровых финансовых активах благодаря уже действующим вышеописанным нормативно-правовым актам, российские коллеги не отстают и стараются также соответствовать современным условиям финансового рынка. В декабре 2017 года Минфином РФ на рассмотрение Государственной Думы был представлен перспективный проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», которого на данный момент ждет стадия рассмотрения во втором чтении после успешного преодоления первого чтения 22 мая 2018 года [9]. Данный законопроект был разработан в соответствии с личным поручением Президента РФ в результате совещания по вопросу использования цифровых технологий в сфере финансов. Кроме закрепления понятий широко распространенных цифровых финансовых активов, создаваемых путем использования определенных технологий и связанных с ними прав и обязанностей, данный Проект утверждает легальное для российского права понятие смарт-контракта как договора, созданного и функционирующего в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется посредством автоматического совершения цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций. Также указывается, что такое совершение автоматических действий должно подчиняться строго определенной последовательности и только при наступлении прописанных в договоре обстоятельствах.

Более того, Федеральным законом от 18 марта 2019 № 34-ФЗ [10] в Гражданский кодекс Российской Федерации [11] были внесены существенные изменения, благодаря которым была подготовлена определенная «правовая почва» для дальнейшего развития цифрового финансового законодатель-

ства и успешного будущего ассимилирования вышеупомянутого законопроекта, а в совокупности эти акты должны дополнять друг друга. Данные изменения направлены на уточнение, что волеизъявление лица, совершенное с помощью электронных и иных технических средств, приравнивается к простой письменной форме сделки. В данном случае необходимо лишь, чтобы совершенных лицом действий в соответствии с условиями принятия волеизъявления или из сложившегося в определенной сфере деятельности обычая было достаточно для выражения такой воли.

Вместе с тем, в ст. 309 ГК РФ было введено важное для смарт-контрактов положение о том, что если исполнение сделки было совершено посредством использования компьютерной программы, то этот факт не может оспариваться сторонами (исключения составляют случаи вмешательства в действие программы). В данном случае после входа субъектов сделки в систему программы (например, смарт-контракта) дальнейшие их действия подчиняются четко прописанному на языке программирования математическому алгоритму. И лишь с наступлением указанных в соглашении обстоятельств запускается действие программного кода, который проверяет все условия и исполняет свою цифровую «обязанность», вследствие чего «покупатель» автоматически получает тот или иной нужный ему объект. И в данном случае нельзя проигнорировать аналогичную норму в Гражданском Кодексе Республики Беларусь [12], где в ст. 161 указана возможность осуществления сделки в электронном виде посредством технических средств и компьютерных программ (т.е. существует перспектива осуществления сделки посредством того же самого смарт-контракта).

Необходимо сказать, что Республика Беларусь и Российская Федерация являются передовыми странами, которые всерьез занялись признанием смарт-контрактов на законодательном уровне. В других странах, к примеру, в Украине, парламент, ограничившись урегулированием электронных контрактов (Закон Украины от 03.09.2015 № 675-VIII «Об электронной коммерции» [13], Закон Украины от 22.05.2003 № 852-IV «Об электронной цифровой подписи» [14]), не стал распространять правовой статус на смарт-контракты. В некоторых других развитых странах, например, Великобритании и Испании, данный вопрос так же не раз поднимался, но дискуссии по поводу правового регулирования смарт-контрактов заканчивались, не принося существенных результатов. В то же время правительством КНР, несмотря на некоторые запреты в области цифровых финансовых активов,

поддерживаются исследования компаний в области технологий блокчейн, что в будущем может повлиять и на развитие смарт-контрактов, в том числе и их правового статуса в этой стране [15].

Заключение. В результате проведенного выше правового анализа, можно прийти к выводу, что по сравнению с белорусским законодательством о цифровых финансовых технологиях, в идентичных российских нормативно-правовых актах для правоведов не дается в полной мере толкования смарт-контракта как программного кода. Это можно вывести на основе сравнения двух понятий, установленных в белорусском Декрете и российском законопроекте: белорусский законодатель прямо указал на то, что смарт-контракт – это программный код, что наиболее близко подходит под описание, сформулированное основоположником такого контракта криптографом Ником Сабо. В то же время их российские коллеги более размыто охарактеризовали смарт-контракт, определив его лишь как договор, почти без указания на его программную суть.

Более того, российские законодатели не рассматривают такую важную роль смарт-контракта как обеспечительного способа надлежащего исполнения обязательства – ведь смарт-контракт не может считаться сделкой в привычной гражданскому праву форме. Это программное обеспечение, которое посредством определенного набора символов языка программирования автономно подтверждает факт наступления заранее прописанных обстоятельств и (или) событий и задействует определенный алгоритм, претворяя тем самым условия сделки между двумя субъектами. Способом обеспечения надлежащего исполнения в данном случае в соответствии со ст. 329 ГК РФ могут быть: неустойка, залог, задаток, независимая гарантия (по ст. 310 ГК РФ – банковская гарантия) и другое. Тем самым для юристов в финансовой сфере смарт-контракт становится очень удобным техническим способом обеспечения надлежащего исполнения обязательства [16].

В результате анализа смарт-контракта в техническом плане и его состояния в законодательстве стран России и Белоруссии, мы сделали вывод, что, хотя между принятыми нормативно-правовыми актами двух братских государств и есть различия, но в общих положениях они схожи и имеют единые правовые начала и даже некоторые идентичные нормы (к примеру, ст. 309 ГК РФ и ст. 161 ГК РБ). Более того, вышеупомянутые принятые и принимаемые законы символизируют о начале новой эры правового регулирования цифровых финансовых активов и в принципе цифровых прав. Смарт-контракты, которые по сути можно называть «умны-

ми контрактами» из-за их удобного функционала и технологически нового действия, могут вполне вписаться в правовую сферу и стать довольно распространенным явлением, способствуя экономическому развитию двух братских держав и сокращая

затраты ресурсов и времени граждан. Более того, внедрение смарт-контрактов поднимает престиж государств, подтверждая тем самым технологический уровень развития и возможность конкуренции на мировом рынке цифровых финансовых активов.

Список использованных источников

1. Гаврилов Владимир Николаевич, Рафиков Руслан Михайлович Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // ВЭПС. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav-v-zakonodatelstve-rossii-i-ryada-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 06.02.2020).
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» (заключена в г. Вене 11.04.1980).
3. «Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс» (публикация Международной торговой палаты 1990 г., N 460).
4. Szabo, N. Smart contracts / N. Szabo // Phonetic Sciences. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 07.02.2020).
5. Сафаревич Д. 3. «Профессионально об актуальном: Смарт-контракты в современных реалиях» // URL: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/january/44569/> (дата обращения: 07.02.2020).
6. БЕЛТА – Новости Беларуси // URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-pervoj-v-mire-zakonodatelnop-zakrepila-smart-kontrakt-281784-2017/> (дата обращения: 07.02.2020).
7. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (подписан 21 декабря 2017 г.).
8. Указ Президента Республики Беларусь № 148 «О цифровых банковских технологиях» (подписан 18 апреля 2019 г.).
9. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 N 34-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ – 2019. – № 12. Ст. 1224.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая. (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ – 1994. – № 22. Ст. 2457.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 года с измен. и доп.: от 16 мая 2017 г. № 226-3.
13. Закон Украины «Об электронной коммерции» от 03.09.2015 № 675-VIII // Kodeksy.com.ua. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_elektronnoj_kommertsii.htm (дата обращения: 07.02.2020).
14. Закон Украины «Об электронной цифровой подписи» от 22.05.2003 № 852-IV // Kodeksy.com.ua. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_elektronnoj_tsifrovoj_podpisi.htm (дата обращения: 07.02.2020).
15. Лещенко Д., Коваленко С. «СМАРТ-КОНТАКТ» // Юридическая практика. URL: <https://pravo.ua/articles/smart-kontakt/> (дата обращения: 07.02.2020).
16. Дядькин Дмитрий Сергеевич, Усольцев Юрий Михайлович, Усольцева Наталья Андреевна Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. №5 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-v-rossii-perspektivy-zakonodatelnogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.02.2020).

Gavrilov V. N., Prokhorov N. A., Shakhnavazov A. A.

**ANALYSIS OF SMART CONTRACTS AS OBJECTS
OF CIVIL RIGHTS IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS
AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Saratov State Academy of Law

Summary. The article studies the legal nature of smart contracts as one of the components of digital financial assets. The legal prerequisites for the emergence of smart contracts are identified, as well as their advantages and disadvantages. Particular attention is paid to comparing the provisions of smart contracts in the legislation of Russia and Belarus and other states. The authors concluded that there are some disagreements in the interpretation of smart contracts by the legislators of the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as their advanced role in the development of digital rights.

Keywords: smart contract, digital rights, digital financial assets, contract.